

Ольга ТУРКИНА

ОРГАННАЯ МУЗЫКА ТРОСТНИКА

Владимир Коркунов. Тростник на изнанке земли. – Алматы: Дактиль, 2023. – 76 с.

мы вбежали в слова
высотой в многоэтажный дом

Это не только цитата из новой книги Владимира Коркунова, но и чувство, с которым мы ее открываем. Или она открывает себя сама. Оставаясь в тени, автор выводит софиты на голоса, представляет их, устраивает им встречи, как девочке с ее прошлым («это произошло здесь – у вставшей перед тобой на колени пятиэтажки / говоришь ты»), управляет путями своих героев и шире – солирующих партий жизни. Многоголосье, где каждый голос – индивидуальная судьба.

Читателю, привыкшему к широкому письму и вдруг открывшему пространство Коркунова, может показаться, что к текстам не подступиться, так – до напряженного гудения – густо они заселены. Но стоит шагнуть, и сразу сотня рук протянется к тебе – с той стороны света тоже, – чтобы провести читателя в эти тексты.

погружаю в гугл-транслейт биение солнца
вспоминая как завяли цветы прошлых наречий

*

Господи, зачем ты это сделал?
<может ли Бог совершить насилие?>

Погружаясь в живые истории (здесь автор на бумаге неотделим от человека в жизни – социолога, исследователя, работающего с людьми уязвимых социальных групп, с пострадавшими, с представителями угнетенных культур, – одного этого было бы достаточно для сформированности голоса в современном литературном процессе), Коркунов не перестает быть поэтом. Наоборот, он наращивает образность, и там, где основой стихотворения мог бы стать один мощный образ и/или одно нарративное высказывание, Коркунов выкручивает громкость того и другого.

богом засажена вся планета солнце идет дождем
огибая землю
и значит, цветок напьется –
улыбаясь всеми лепестками говоришь ты

А «...сшитая из колготок девочка собирает листья / снятые ветром платья / пытается одеть озябшую ветку» своей избыточной, наслаивающейся образностью говорит о травме пережитого опыта, и он дает побегу – в одержимость согреть, когда сама без кожи.

Строки, вынесенные в названия разделов – бутоны с разворачиванием внутри: «Два голоса выпавших снегом и еще один человек», «Яблоко с твоими чертами».

Коркунов работает многоканально. Невозможно проследить количество движков, кнопок и самих пальцев, уследить за скоростью, с которой он переключает каналы. Существовая во многих регистрах, тексты и нас отражают сложными. Мы вдруг

обнаруживаем в себе учтенные автором грани, которые не учитывал никто другой, которыми мы и сами пренебрегали. Это обнаружение может быть болезненным, но за ним всегда следует очищение.

у всех детей вывернуты руки
не всем удастся ввинтить их обратно.

Это о вере в другого, когда другой – не может. Когда не отделиться от того тебя, что накрепко склеили задубевшим социальным клеем. Бережность (автора) и беспощадность (языка, событий) оказываются уравновешены в своих крайностях. Тексты Коркунова – острое, почти обжигающее присутствие. Сквозное («солнце пропитывает девочку насквозь – / сотканным из нее светом»), проходящее через тебя на твою другую сторону.

кирюша возьми возьми –
а он не берет

смотрит немое кино
первого снега

Текст Коркунова от книги к книге уплотняется сам в себя, ставя предметы и людей все ближе, а опасное и освобождающее – еще теснее. По «Тростнику...» мы идем, сцепленные с каждым шорохом, слышим хруст то ли самих себя, то ли его под ногами. Все заявляет о своей жизни, отдельной и неотделимой от других:

фонарные часы отбивают руки о клетку кирпичных ребер
который час говорит кукушка в кукольной груди
<...>
который час говорит фигурка балерины
в музыкальной шкатулке
маленькое кричащее в руке – рука твоей фотографии

Если удастся проанализировать проявляющуюся внутри тревожность при чтении этих текстов-комнат, то понимаешь: она оттого, что люди, живые и мертвые, по обе стороны жизни, стоят так же плотно, и при всей тесноте их объединяет одиночество.

Спасает мысль: текстовое поле Коркунова – это поле антенн, каждая из которых и подключена к навечно происходящему в стихотворении моменту, и излучает свое. Да, есть в книге и единичные солисты, их прямоговорение – необходимость назвать вещь своим именем:

потому что слово «нет» в патриархальной культуре
означает готовность принести себя в жертву

Если читать Владимира Коркунова последовательно, становится видно: в своем сегодняшнем письме он, меняя фокус и масштаб, стал пуантилистом – работая в точке, ввинчиваясь внутрь нее, обнаруживая там новые слои. «Маленькое» (на самом деле, важное, осевое) находит свое метафорическое отображение в самой лексике:

точечка в центре – это камыш
морщины в глазах – самые первые морщины

Точки, точки, пиксели, узкие отверстия в стебле камыша – вот оптика Владимира Коркунова.

татуировка жизни в самой хрупкой точке тела
пульсирует в немой красоте | зачатии
полупрозрачного мира

Ему уже открылись через эту прицельность виды целого, и нынешние тексты – выход через тоннельные пути на свет. Время стало сумасшедшим колесом, наматывающим на спицы куски мяса так быстро, чтобы мы не заметили, что это жизни, и не разглядели отдельных Лиц. Самое время остановиться. Смотреть через точки. Стать в этих сплошных горячих точках – горячей линией, связью.

и я сидел под прицелом опрокинутого двоеточия
твоих глаз

Как психотерапевт растворяет свое «я» в беседе на сессии, переходя в «я» другого, говоря не за него, но от его «я», становясь его руками и лицом, его *самоподдержкой* и внутренней опорой, так субъект поэта остается невидимым и одновременно осязаемым во всем: в «своих» историях и рефлексиях, в деталях и в воздухе. Кажется даже, что он не столько говорит всю эту книгу, сколько слушает ее, каким только возможно активным слушанием, растворяя авторский голос вовсе, хотя весь он сконструирован и взвешен, *весом*, взращен и растет дальше в новые фракталы.

Следующий шаг после достигнутого приближения – вход внутрь поля, с которым автор работает: человека, явления, события. Реальность предстает перед нами как бы вывернутой наизнанку. Но иногда именно по достижении такого эффекта нам и видится настоящее. Тексты Владимира Коркунова словно поднесены к зеркалу для встречи с правдой:

дай свежести смерти принять в себя Дитя

То, что *здесь* смерть, – рождение для *той* стороны.

Трансформации характерны не только для героев или граней автора, но и для самих строк. Внутри них – обновление или, напротив, уход в иные выглянувшие сущности, готовые обернуться то ли гибелью, то ли новым рождением, – в ужасе зачатка не разобрать:

посади ее под окном из почек выпорхнут
отражения птиц

Перерождение происходит из стихотворения в стихотворение. Как бы они ни были далеки друг от друга по опыту или литературным практикам, сохраняется невидимая сквозная пуповина, соединяющая циклы, сплетающая позвоночник книги.

видишь корень оплел позвоночник
а остальное жизнь
не перепутай